

Транзит корпоративной составляющей на межгосударственные отношения в трансформационной экономике

(опубликовано: Материалы Всероссийской научной юбилейной *конференции* экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета «История экономической науки в России: исследования и преподавание», 02-04.04.2009 – С.-П.: СПбГУ, 2009 – С.192-198)

Современное развитие мирового рыночного пространства ориентировано в его общих подходах на построение передовой экономики и выдвигает различные аспекты в качестве критерия оптимизации.

Сторонники сбалансированного роста в 1960-70-х гг. утверждали, что лучший путь развития может быть обеспечен за счет синхронизации роста всех секторов при условии соблюдения баланса между затратами и получаемым продуктом. Целью создания идеально синхронизированного общества были увлечены представители разных, часто противоположных экономических школ. Однако недостатком, приобретшим непреодолимые свойства, стала утрата гибкости всей системы, что, в свою очередь, деструктивным образом сказалось на темпах и конкурентных рыночных приоритетах развития целых стран. В отличие от данного подхода, Й.Шумпетер¹ сделал акцент на том факте, что экономическое развитие требует мгновенных перемен.

Основой рыночного способа ведения хозяйства является формирование специфических критериев богатства, достижению которых посвящает свою деятельность государство, хозяйственный субъект, индивидуум. В этой связи возникает вопрос активных структурных составляющих системы его создания. Согласно теории Коузэна, наиболее значительные перемены происходят в отношениях между государственным управлением и экономической деятельностью. Этот процесс особенно ярко проявился в период разворачивания мирового финансового кризиса, когда проникновение в монетарные системы друг друга сделало уязвимыми не только отдельные географические регионы, а и существенно снизило уровень влияния правительств на внутреннее экономическое пространство.

Размывание влияния, снижение активности и действенности функций государства связывается и с развитием процессов глобализации. Нельзя не отметить, что современная транскрипция глобализма имеет ярковыраженный панамериканский характер. Основой

¹ Shumpeter J. *Imperialism and Social Classes*. Oxford, 1951. P.108

развития процессов глобализации в данном контексте оставались принципы линейного прогресса за счет включения в рыночный оборот все новых секторов мирового экономического пространства с выраженным ресурсно-сырьевым характером вовлечения. Довольно однозначно этот подход продемонстрирован на примере Украины, стран Латинской Америки, где формальные перемены способствовали функциональной деформации управляемости национальным экономическим полем и способствовали созданию формы капитализма с запрограммированно отстающим развитием. Дж.Стиглиц² и Ф.Бродель³ прямо указывают на колониальный характер реализации глобализационных процессов.

В этих условиях традиционная экономика оказывается неадекватной, неспособной дать вразумительный ответ на множество вопросов. По мнению Э. и Х.Тоффлера⁴, она сложнее, чем та, которую пытались понять А.Смит, К.Маркс, Д.Рикардо, Л.Вальрас, Дж.М.Кейнс, Й.Шумпетер. Роль государственного управления все в большей степени сводится к обслуживанию потребностей развития рынка и наиболее активных и эффективных его элементов – крупных предприятий и транс-национальных корпораций.

Многие зарубежные экономисты, пытаются противопоставить этому процессу традиции и отличия европейской формы общественного развития, базирующиеся на рейнской модели (Л.Турроу⁵), которая в большей степени носит лично-индивидуализированный характер и векторно направлена в сторону обеспечения социального баланса экономического развития.

Основы характеристик современного стабильного развития экономических отношений, особенно экономик переходного/ трансформационного периода, считаются работы Д.Норта, О.Уильямсона, Л.Девиса, Ф.Уейнгаста.⁶ Основной акцент данных исследований сосредоточен в плоскости обеспечения стабильности собственности, ее трансформации, разработки правил ее транзита. Говоря о значении институциональной стабильности для закрепления и оптимизации структуры собственности, все же они упускают из виду более широкое рассмотрение отношений между правительством и рыночной средой. Российскими и западными учеными-аналитиками в результате анализа институциональных реформ 1990-2000 гг. был сформулирован вывод о невозможности

² Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. – М.: 2003. – 214 с.

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация – М.:Инфра, Т.3 – С.52-57

⁴ Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство – М.: АСТ:АСТ Москва:Профиздат, 2008. – 569 с.

⁵ Турроу Л. Будущее капитализма – с.355

⁶ North D. : Institutions and Credible Commitment. — <<Journal of Institutional and Theoretical Economics>> 1993, Vol. 149, pp. 11-23

искусственного переноса развитых отношений собственности и адекватных им инструментальных форм их обеспечения на неподготовленный и институционально незрелый политический и экономический формат общества. Научное подтверждение этому представлено в более поздних работах М.Кастельса и Э.Тоффлера. Систематизированный подход к оценке степени реактивности структурных звеньев трансформационного общества представлен в табл.1

Таблица 1.

Оценка структурных звеньев трансформационного общества

Звенья трансформационной общественно-экономической системы	Оценка, баллы
Бизнес или корпорация, как наиболее трансформативный элемент системы	100
Потребности гражданского общества	90
Семья, как источник формирования социальной потребности	60
Профсоюзы, как инструмент защиты стандарта гражданской среды на получение средств воспроизводства (объект защиты меняется в зависимости от уровня развития экономической составляющей общества)	30
Институциональная среда (государственное управление: инструменты воздействия, структура управления, конструкция аппарата и характер потоков воздействия)	25
Характер образования	10
Дисфункциональные институты (внегосударственные международные организации с рекомендательной функцией)	5
Политические структуры (партии, как выразители статичных электоральных групп)	3
Законодательство (система судопроизводства, свод законов – в трансформационной экономике меняется система законов, но не механизм их реализации)	1

В соответствии с предложенной градацией реактивности составляющих элементов системы отношений в трансформационном обществе наиболее адаптивным элементом среды является корпорация, постоянно вовлекаемая в процесс внутренней реорганизации под давлением рыночных факторов. Это, в свою очередь, выдвигает повышенные требования к группе медиатора: институциональной среде, - задание которой обеспечить адекватность реакции методам корпоративного управления. К тому же побуждают внутренние и внешние факторы влияния: формы государственного воздействия, усиление конкуренции, направления движения финансовых и продуктовых потоков, практика корпоративных конфликтов. Опыт развитых рыночных государств свидетельствует об использовании права контроля над деятельностью корпораций, не подвергая корректировке закрепленные законодательно права собственности. Речь идет не только о контроле за менеджментом высшего звена или предоставлении обществу возможности формализованного участия в имущественных отношениях. Современная тенденция предполагает конструирование национальной концепции корректировки корпоративного управления в сторону ее социализации.

Наиболее детально принципы построения такой модели описаны в работах С.Гросмана, О.Харта, Дж.Мура⁷ и названы «остаточным правом на доход предприятия» и «остаточными правами контроля». Имплантация этих направлений в развивающееся общество обеспечивается трансформацией его в сторону конвергенции двух некогда враждебных систем: капитализма и социализма., как об этом заявлял Дж.Гелбрейт. К аналогичному, но не так сильно проявленному выводу, подходят и Р.Реджен, Л.Зингалес⁸, Э.Тоффлер, Д.Белл и В.Иноземцев⁹, да и, в конечном счете, Й.Шумпетер: заявляя в контексте историзма развития и трансформации капитализма о наличии вектора движения через призму постиндустриального, информационного общества к построению постэкономической цивилизации в формате «социализированного капитализма».

Теоретическое обоснование принципов новой модели экономического развития было сконцентрировано еще в работах Дж.М.Кейнса¹⁰ и Самуэльсона П.¹¹, где был изложен подход к построению социально регулируемого свободного предпринимательства на основе государственного контроля. К этому же периоду относится и формулирование концепции

⁷ Grossman S., O. Hart One Share – One Vote and the Market for Corporate Control. – In: Journal for Financial Economics, Vol.20 (1988), pp.175-202.

Hart O., Moore J. "Foundations of Incomplete Contracts". NBER Working Paper 6726. September 1998

⁸ Rajan R., L. Zingales. "Power in a Theory of the Firm" NBER Working Paper №6274 Cambridge, Mass 1997

⁹ Иноземцев В. За пределами экономического общества . – с.297

¹⁰ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег.М., 1978, С.447

¹¹ Samuelson P.A., Nordhaus W.D. Economics. ТоКyo, 1987.P.813

социально регулируемой экономики, нового типа государства – государство социального благоденствия (state welfare).

Реализация концепции социально ответственного государства связано с необходимостью принципиального изменения самого государства, находящегося в формате частной собственности. В этой связи следует обратить внимание на предложенные в исследованиях Р.Дая¹² подходы к определению моделей государственного управления и избрания адекватной целям современного трансформационного общества постсоветского пространства его формы.

К сожалению Украина, а на первых этапах трансформации, и Россия, имплантировали принципы рыночного фундаментализма в то время, когда все западное сообщество уже переходило на более прогрессивные этапы развития. Западная система организации экономической деятельности общества и управляющих инструментов уже находится в стадии перехода от постиндустриальной сетевой модели к формату информационного общества. На постсоветское пространство были рекомендованы для внедрения управляющие механизмы, присущие постиндустриальному обществу на стадии глобализации. Однако, и это нужно признать, продвинутые рыночные элементы управления так и остались не встроенными в процесс управления экономическими процессами в трансформационных экономиках. И это касается не только методов Сарбейнс-Оксли, использования фондовых регуляторов, общественных организаций как инициаторов общественно назревших экономических и управленческих перемен. Основным препятствием стала неравномерность развития хозяйственных субъектов. Многие исследователи отмечают одновременное наличие нескольких организационно-технологических укладов¹³ в трансформационных экономиках, адекватным им методов управления и, соответственно, задач развития управляющих структур. С.Хантингтон¹⁴ справедливо отмечает не только факт наличия взаимосвязи между уровнем богатства и демократией, но и прямо говорит о невозможности прямого переноса развитых форм последней на экономически неподготовленную почву: транзит демократии может происходить в страны со средним уровнем экономического развития. Все дело в стартовых позициях трансформаций, в противном случае «цена на билет» будет несоизмерима с затратами общества, что мы, собственно говоря, и наблюдаем на примере Украины.

¹² Р.Дай Основи державної політики/ пер.Краснокутського Г.Є. – Одеса, АО “Бахва”, 2006 – 232 с.

¹³ Макаренко І.П. Проблеми становлення інноваційної політики в Україні / Макаренко І.П., Трофимчук О.М., Кузьменко В.П. та ін.; за ред. І.П. Макаренко. – К.: УІДНСіР: Ін-т еволюц. економіки, 2004. – 123 с.

¹⁴ Хантингтон С.Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. с.72

Искусственно стимулированная трансформация частной собственности в корпоративную проявила во всей своей уродливости все конструктивные недостатки регулирующей функции государственного управления. Развитие в обществе процессов консолидации, нарастание различий в требованиях к государству со стороны консолидированного и частного собственника, с одной стороны, требованиями обеспечения экономической безопасности, социальной составляющей и создания базиса для перехода на следующую ступень общественного развития, привели на фоне усиления влияния внешних факторов к осознанию необходимости разработки отличающихся от рецептных подходов государственного управления. Многие исследователи отмечают, что влияние корпораций усиливается с переходом к каждой новой ступени своего развития.

Усиление влияния корпоративного сектора на национальное экономическое пространство и модель государственного управления реализуется в своей высшей форме – возникновении полико-экономического союза, когда реализация интересов хозяйственной структуры достигается через систему политического лобирования и-наоборот. Корни этого процесса находятся в принятой системе корпоративного управления, где общепризнанной практикой является решение задач приобретения собственности не только через призму наращивания финансовой силы, капитализации и развития активов компании, а, чаще всего, за счет приобретения контроля над процессом принятия решений. Поскольку государство трансформационной экономики, мировое сообщество не являются исключительно экономической структурой, которая решает преимущественно вопросы получения прибыли и собственности, достижение поставленных задач связано в значительной степени с социальной составляющей, а точнее – с достижением баланса между корпоративными векторами и необходимостью долгосрочного обеспечения развития. Практически, современная задача государственного управления состоит в обеспечении эффективного решения политических, социальных и экономических конфликтов.

Процесс законодательного урегулирования конфликта интересов между потребностями развития корпорации и общества является объектом пристального внимания мирового сообщества с начала текущего столетия. Сначала в рамках ЕС была создана группа экспертов (2001 г.), затем в рамках Большой семерки (2002 г.), наконец, проблемы реформы корпоративного управления стали предметом обсуждения ОЭСР (2003 г.). Борьба американского и европейского подходов к бизнесу с целью обеспечения конкурентных преимуществ в глобальном контексте и облегчения процессов M&A отложены в связи с кризисом американской модели финансово-корпоративного регулирования. Однако, вопрос не исчерпал себя, степень прорастания методических подходов, имплантации финансовых схем, пирамидального построения системы экономического богатства, включая влияние

валют в банковских портфелях, слишком высока, чтобы однозначно заявлять о полном отказе от нее. Ставкой в решении вопроса является подконтрольность и обеспечение долгосрочных преференций в процедурах инвестирования, обработки мировых финансовых потоков, закрепления политической лояльности связанных государств, обеспечение возможностей укрепления национальной экономики и собственной денежной единицы за счет новых инструментов.

Украинская новейшая история имеет достаточно много примеров деформации рыночных реформ и диспропорций в развитии экономики и отраслей национального хозяйства, которые характеризуются сырьевой направленностью и низким уровнем прибавочной стоимости. Прямой транзит власти в большой бизнес не способствовал созданию эффективной системы его формирования:

- границы бизнес-групп определяются границами протекционизма власти;
- с развитием процессов консолидации в борьбу вступают экономические агенты, включая ТНК, что для украинских компаний означает неминуемую потерю части национального рынка;
- остается непредсказуемым поведение власти: призрак «прокуренной комнаты» стоит на пороге.

Таким образом, назрела необходимость создания эффективной системы государственного регулирования бизнеса на базе разработки адекватно направленной государственной политики, формирования полноценных стратегично взвешенных рыночных структур, создания условий для граждански ответственного использования ренты доходов.

Необходимо отметить, что не организационная форма ведения бизнеса является определяющей. Главенствующая роль принадлежит организационно-правовым механизмам взаимодействия хозяйственного субъекта с окружающим социальным и экономическим пространством, что, в конечном счете, и обеспечивает его общественную эффективность. С точки зрения государственного управления задачу копоративной структуры в социально-экономическом контексте можно определить как принятие государственно-социальных целей использования собственности в качестве критериев, программы собственного развития. Тогда отношения собственности примут облик формы социализованного экономического содержания. Это означает, придание к юридическому праву собственности, включающему права владения, распоряжения, использования - статуса социальной ответственности. В принципиальном плане это означает возникновение еще одной транскрипции в корпоративной среде – пользователя: собственника, не соблюдающего нормы социальной ответственности. В юридическом плане статус пользователя означает возможность применения метода санации со стороны государства, утраты права

распоряжения собственностью, а в худшем случае – возврат объекта приватизации в распоряжение государства.

Отсутствие четкого разделения между политикой, экономикой, наукой, бизнесом, нивелирование критериев оценки социальной целесообразности в условиях разбалансирования приводит к использованию государства в процессе затяжных корпоративных конфликтов.

В ситуации нарастания экономического кризиса, рецессии национального хозяйства политические критерии внешнего порядка должны переместиться на второстепенную позицию в сравнении с осознанием первостепенности задач поддержки воспроизводства в корпоративном и социальном секторах. В данной ситуации как ни когда актуален вопрос эффективного государственного менеджмента. И мы имеем возможность сравнить его результативность не с течением времени, а непосредственно проживая эту ситуацию.

Российская государственная система управления эффективно использовала корпоративные инструменты, создав ряд холдингов и корпораций. Целью запуска процессов корпоратизации были передача государственных пакетов в руки опытных менеджеров, которые способны предпринимать меры и решать задачи, не всегда совместимые с официальной государственной политикой. При этом государство сознательно ограничивало степень своего влияния на корпоративную структуру с целью сохранения мобильности и скорости реакции на рыночные вызовы. Гарантией лечения от болезни, названной в западной литературе «эффект жадности», было сохранение контроля государства. Такими были сконструированы опорные пункты бизнеса: «Роснефть», «Росуголь», «ЛУКОЙЛ», «Транснефть», «ЮКОС», «Транснефтепродукт», «Сургутнефтегаз», РАО «ЕС России» и др. Задачей этих структур было создание узлов формирования прибыли, включения в международные рынки стратегических ресурсов и финансовых потоков. В условиях предоставленной свободы рыночного поведения государственный контроль осуществлялся неформальными методами в виде «добровольной» и осознанной поддержки государственных социальных программ и инициатив. В этой ситуации крайне важно сохранение понимания «правил игры». Результаты утраты такого понимания были продемонстрированы на примере «ЮКОСА». Российский опыт государственного контроля направленности бизнеса позволяет констатировать наличие эффективного и, главное, единого центра управления экономическими и корпоративными процессами в стране при сохранении рыночной свободы хозяйственных субъектов.

Украинский опыт сосуществования с крупными бизнес-структурами в значительной мере отличается от российского. В энергетической сфере политика государства лишена

умения предвидеть экономические стратегии основных партнеров, сохраняет внешнюю монетарную управляемость, десятилетия обеспечивает монополистический подход в вопросах энергетической безопасности, сохраняя искусственную дефицитность энергоресурса. Есть и другие факторы, негативным образом повлиявшие на характер развития межгосударственных отношений в энергетической сфере:

- с первых лет независимости Украина строила свои взаимоотношения с мировым рынком в качестве нишера, ориентированного на металл низкого передела и продукцию химпрома на мировом рынке и на «сладкую» и спиртовую группу – на российском;

- процесс массовой приватизации и приватизации стратегических объектов происходил по анголосаксонской схеме, что определило административный подход в выборе эффективного собственника и преференции в процессе консолидации;

- избирательность в стимулировании развития крупных компаний сформировала у бизнеса стремление к созданию вертикально интегрированных структур не в связи с экономической необходимостью бизнеса, а с целью максимизации безопасности;

- дивизиональная трансформация корпоративных структур происходила практически одновременно с созданием корпоративно-административных альянсов, что стимулировало развитие зависимости, особенно местных бюджетов, от содействия интересам наибольшего плательщика налогов;

- вышеперечисленное послужило основой формирования посредническо-обслуживающей направленности государственного управления по отношению к бизнес потребностям. Корпоративная окраска украино-российского газотранспортного конфликта 2008-2009 гг. очевидна. Противостояние внутренних и внешних корпоративных групп привело к использованию государства в качестве инструмента обеспечения преимуществ в процессе борьбы за контроль над стратегическим источником прибыли. Однако, в этом процессе есть и другая сторона, которую можно оценить как положительную и обнадеживающую: включение государства в ход корпоративных конфликтов позволяет возобновить частично утраченные управленческие и регуляторные функции и через административные рычаги начать процесс поворота от хаотичного развития трансформации постсоветских стран в сторону конструирования «рыночного общества, ориентированного на социальный результат».